

Владимир Фёдорович Одоевский

Отрывки из журнала Маши

Сказки дедушки Иринея

Владимир Одоевский

Отрывки из журнала Маши

«Public Domain»

1841

Одоевский В. Ф.

Отрывки из журнала Маши / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1841 — (Сказки дедушки Иринея)

«Сегодня мне исполнилось десять лет... Маменька хочет, чтобы я с сего же дня начала писать то, что она называет журналом, то есть она хочет, чтоб я записывала каждый день всё, что со мною случится... Признаюсь, я этому очень рада. Это значит... что я уже большая девушка!..»

Владимир Федорович Одоевский

Отрывки из журнала Маши

8 января 18.. года.

Сегодня мне исполнилось десять лет... Маменька хочет, чтобы я с сего же дня начала писать то, что она называет журналом, то есть она хочет, чтоб я записывала каждый день всё, что со мною случится... Признаюсь, я этому очень рада. Это значит... что я уже большая девушка!.. Сверх того, как весело будет через несколько времени прочитать свой журнал, вспомнить все игры, всех приятельниц, всех знакомых... Однако ж, должно признаться, это и довольно трудно. До сих пор я брала перо в руки только затем, чтоб или списать пропись, или написать маленькое письмецо к бабушке... Да, это совсем нелегко! Однако ж увидим... Ну, что ж я делала сегодня? Проснувшись, я нашла на столике, подле кровати, маменькины подарки. Маменька подарила мне прекрасную книжку в сафьяновом переплёте для моего журнала; папенька подарил мне очень хорошенькую чернильницу с колокольчиком. Как я этому рада! Я всё это положу на мой столик – и мой столик будет точь-в-точь как папенькин... Как я этому рада!

Я обедала... Маменька послала меня почивать.

9 января.

Сегодня я показывала маменьке мой вчерашний журнал. Маменька была им недовольна. «Зачем, – спросила она, – я не вижу в твоём журнале ни слова о том, что ты делала утром и после обеда?» Я не знала, что отвечать на это, да и мудрёно было бы отвечать... потому что я вчера вела себя очень дурно: и журнал, который мне маменька велела вести, и чернильница, которую папенька мне подарил, всё это как-то перемешало у меня мысли в голове, и когда поутру пришёл ко мне братец Вася звать меня с собою играть, я показала ему мою сафьянную книжку и отвечала, что я уже не могу с ним больше играть, что я уже большая. Братец рассердился, расплакался, схватил мою книжку и бросил её под стол. Это меня также рассердило; я поворотила его к дверям и толкнула, несмотря на нянюшку. Вася споткнулся, упал и ушибся, и когда няня стала мне выговаривать, то я, вместо того чтоб бежать к Васе и утешать его, сказала в сердцах, что он стоит того. В это время пришла маменька, но я так же и её слов, как нянюшкиных, не послушалась, за что маменька приказала мне не выходить из моей комнаты... Только уже к вечеру я помирилась с Васей. – Всего этого у меня духу не достало записать вчера в журнал, и я сегодня спрашивала у маменьки: неужели я в нём должна записывать даже всё то, что я сделаю дурного в продолжение дня? «Без сомнения, – отвечала маменька, – без того какая же польза будет в твоём журнале? Он пишется для того, чтобы в нём находилось всё, что человек делает в продолжение дня, чтобы потом, прочитывая записанное, он не забывал о своих дурных поступках и старался бы исправиться. Это называется, – прибавила маменька, – отдавать себе отчёт в своей жизни».

О, признаюсь, что это очень трудно!.. До сих пор, бывало, покапризничаешь, потом попросишь у маменьки прощения – и всё забыто; на другой день и не думаешь... А теперь, что ни сделаешь дурного – ничего не забудется: маменька простит, а мой журнал всё говорить будет и завтра, и послезавтра, и чрез неделю. А как бывает стыдно, когда и на другой день вспомнишь о своей вчерашней шалости! Вот как сегодня: мне так было стыдно описывать вчерашнее моё упрямство.

Что же делать, чтоб не было стыдно, чтобы журнал не рассказывал, как я шалила, как я капризничала?.. Вижу ясно одно средство... не шалить, не капризничать и слушаться маменьки... Однако же это очень нелегко.

Сегодня все учителя были мною очень довольны. После обеда я весь вечер играла с Васей в такую игру, которую я совсем не люблю: в солдаты. Маменька меня за то очень похвалила, а Вася бросился ко мне на шею и расцеловал меня. От этого мне стало так весело...

10 января.

Сегодня у нас была гостья – прекрасная дама! На ней была прелестная шляпка с перьями, я непременно такую же сделаю для моей куклы. После обеда я пришла в гостиную. Папенька и маменька разговаривали с дамой. Многого из их слов я не понимала; одно только я заметила: эта дама очень удивлялась, отчего у нас в доме так мало слуг, а между тем всё в таком порядке. «Вы, верно, – сказала она маменьке, – очень счастливы в выборе людей». – «Нет, – отвечала маменька, – но я сама занимаюсь хозяйством». – «Как это можно? – возразила дама, – я так этого никак не могу сделать». – «Кто же у вас смотрит за домом?» – спросил папенька. «Мой муж», – отвечала дама. – «Ну, теперь не удивительно, – возразил папенька, – что у вас слуг вдвое больше нашего, а между тем всё не делается в доме, как бы надобно. Муж ваш занят службою, целое утро он не бывает дома, возвращается и работает целый вечер, когда же ему заниматься хозяйством? И потому у вас им не занимается никто». – «Это почти правда, – отвечала дама, – но что же делать? Как этому помочь?» – «Смею думать, – сказал папенька, – что заниматься хозяйством – дело женщины; её дело входить во все подробности, сводить счёты, надсматривать за порядком». – «Для меня это невозможно, – отвечала дама, – я не так была воспитана: я до самого моего замужества не имела понятия о том, что называется хозяйством, только и умела, что играть в куклы, одевать себя и танцевать. Теперь я бы и хотела подумать о хозяйстве, да не знаю, как приняться. Какое я ни дам приказание – выйдет вздор, и я в отчаянии уже решилась предоставить всё мужу или, лучше сказать, никому». Тут папенька долго ей говорил, что ей должно делать, чтобы выучиться тому, чему её в детстве не учили, но я многого не могла понять из его слов. Они ещё разговаривали, когда к ней прискакал человек из дому и сказал, что её маленький дитя после кушанья очень занемог. Дама вскрикнула, испугалась и сама так вдруг сделалась больна, что маменька не решилась отпустить её одну, а поехала к ней с нею вместе.

11 января.

Маменька вчера возвратилась очень поздно и рассказывала, что дитя занемог от какой-то нелуженой кастрюльки, доктора думают, что он не доживёт до утра. Маменька никак не могла удержаться от слёз, рассказывая, как страдал бедный мальчик, – и я заплакала. Я никак не могла понять, каким образом дитя могло занемочь от нелуженой кастрюльки; но когда папенька сказал: «Вот что может произойти, когда мать семейства сама не занимается хозяйством!» – «Как? – спросила я, – неужели дитя умирает от того, что его маменька не занимается хозяйством?» – «Да, моя милая, – отвечал папенька, – если б его маменьку с детских лет приучали заниматься домом больше, нежели танцами, тогда бы с нею не было такого несчастья». – «Ах, Боже мой! – вскричала я, бросившись к маменьке на шею, – научите меня хозяйству!» – «Изволь, моя милая, – отвечала маменька, – но только этого вдруг сделать нельзя; надобно, чтоб ты привыкла помаленьку, да достанет ли у тебя и терпения?» – «О, уверяю вас, что достанет!» – «Хорошо, – сказала маменька, – мы сделаем опыт. Ты видела в комод, что в твоей комнате, своё бельё?» – «Видела, маменька». – «Заметила ли ты, что когда прачка Авдотья приносит бельё к твоей нянюшке, то нянюшка принимает его по счёту?» – «Заметила, маменька». – «Теперь, вместо нянюшки, ты будешь принимать бельё от Авдотьи». – «Но как же, маменька, я упомяну, сколько какого белья? Я заметила, что и нянюшка часто ошибается и спорит с Авдотьей». – «Я не удивлюсь этому, – сказала маменька, – потому что твоя нянюшка не знает грамоте, для тебя же большою помощью будет то, что ты умеешь читать и писать. Ты запиши на бумажке всё своё бельё и отметь, сколько, какого. Когда Авдотья будет тебе прино-

силь его, то ты, смотря на бумажку, поверяй, всё ли то принесла Авдотья, что ты ей выдала». – «Ах, маменька, это очень легко! Как хорошо, что я умею читать и писать!» – «Вот видишь ли, моя милая, – заметила маменька, – помнишь, как ты скучала, когда заставляли тебя читать книжку или списывать прописи, ты мне тогда не хотела верить, как это необходимо». – «О, маменька! – вскричала я, – теперь во всём буду вам верить, но скажите мне, разве и бельё принадлежит к хозяйству?» – «Да, моя милая, это составляет часть хозяйства, прочее ты узнаешь со временем, теперь заметь, один раз навсегда, что без порядка не может быть и хозяйства, а порядок должен быть и в белье, и в содержании прислуги, и в покупках, и в собственном своём платье, словом, во всём, и ежели не наблюдать порядка в одной какой-либо вещи, то слуги не будут его наблюдать и в другой, и оттого всё в доме пойдёт наыворот, от этого-то и происходят такие несчастья, какое случилось с дитятею этой дамы».

12 января.

Сегодня пришли нам сказать, что бедный дитятея умер; какое несчастье! Бедная мать, говорят, в отчаянии. Вижу, что надобно слушаться маменькиных слов. – Сегодня я приняла бельё от нянюшки по реестру, составила особую записку чёрному белью и отдала Авдотье: она должна его возвратить чрез четыре дня. Я спрашиваю у маменьки, как узнать, сколько надобно мыла для того, чтобы вымыть бельё. Маменька похвалила меня за этот вопрос и сказала, что на каждый пуд белья надобно фунт мыла. Я велела взвесить бельё, выданное мною Авдотье, и его вышло полпуда; из этого я заключила, что на него пойдёт мыла полфунта.

Сегодня к папеньке принесли большие свёртки, он развернул их на столе, и я увидела какие-то престранные картинки. Я никак не могла понять, что это такое. Папенька сказал мне, что это географические карты. – «На что они служат?» – спросила я его. «Они изображают землю, на которой мы живём», – сказал он. – «Землю, на которой мы живём? Стало быть, здесь можно найти и Петербург?» – «Разумеется, моя милая». – «Где же он? – спросила я папеньку, – я его не вижу, здесь нет ни домов, ни улиц, ни Летнего сада». – «Точно так, моя милая, здесь нельзя видеть ни домов, ни улиц, ни Летнего сада, но это вот отчего: слушай и пойми меня хорошенько». Тут он взял лист бумаги и сказал: «Смотри, я нарисую эту комнату, в которой мы сидим, она четвероугольная, и я рисую четвероугольник: вот здесь окошко, здесь другое, здесь третье, вот одна дверь, вот другая, вот диван, фортепиано, стул, вот шкафчик с книгами». – «Вижу, – сказала я, – я бы тотчас узнала, что это наша комната». – «Теперь вообрази себе, что я бы хотел нарисовать план – такого рода рисунок называется планом, – план дома, в котором мы живём; но на этом же листе бумаги я его поместить не могу, и для того я, уменьшив его несколько в размере, перенесу мою комнату на другой лист. Вот посмотри: вот наша гостиная, вот кабинет, вот спальня, твоя детская. Узнала ли бы ты по этому плану, что это наш дом?» – «О, без сомнения!» – «Теперь вообрази себе, что я бы хотел на таком же листе нарисовать план нашей улицы. Посмотри, как от этого должен уменьшиться план нашего дома. Теперь ещё вообрази себе, что я на таком же листе хотел бы нарисовать план целого Петербурга. Тут наш дом должен уже обратиться почти в точку для того, чтоб можно было на этом листе уместить все улицы Петербурга; но кроме Петербурга есть и другие города, из которых иные далеко, очень далеко. Собрание всех этих городов называется нашим отечеством, Россиею. Вообрази же себе, что я хотел бы на этом же листе нарисовать план всей России, точно так же, как я рисовал план Петербурга, план нашей улицы, нашего дома, нашей гостиной; но уже в плане России самый Петербург обратится в точку. Вот эта карта, которая теперь лежит перед нами, есть карта или план России. Вот на ней Петербург, вот и Нева; но нельзя в нём видеть ни Летнего сада, ни нашей улицы, ни нашего дома, потому что сам Петербург замечен одною небольшою точкою или, лучше сказать, этим домиком с крестиком наверху, который ты здесь видишь». – «Ах, как это любопытно! – сказала я папеньке. – А есть ли ещё что-нибудь, кроме России?» – «Как же, моя милая, есть и другие земли, и для них есть особые карты». –

«Ах, папенька, как бы я желала узнать все эти земли!» – «Ты это узнаешь, моя милая, но для этого надобно учиться истории». – «А что такое история?» – «На этот вопрос отвечать долго; напомни мне о нём после».

17 января.

Сегодня я принимала бельё и всё получила исправно. Нянюшка удивлялась этому и, кажется, немножко сердилась, потому что дело у меня обошлось без всяких споров и в самое короткое время. Бывало, нянюшка, обыкновенно, при всяком таком случае, много и долго спорила, да и немудрено: она и сама забывала, и Авдотья полагалась на то, что нянюшка забудет; но теперь, когда всё у меня было записано, то Авдотья, вероятно, была осторожна. Вижу теперь на опыте, какую правду мне говорила маменька, что ученье полезно во всём, даже в самых малейших случаях. Маменька была так довольна моею исправностию, что обещала послезавтра вести меня на детский бал к графине Воротынской. Там, говорят, будет музыка, танцы и пропасть народу. О, как будет весело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.